

ЖИЗНЬ, СВЯЗАННАЯ

История учит нас бережно относиться к памяти прошлого. Важно не только помнить факты и события, но и беречь в генетической памяти истории о судьбах как великих выдающихся личностей, так и простых людей, у которых была своя жизнь и своё предназначение. Всё это в полной мере отражается в творчестве известного писателя, друга редакции еженедельника «Аргументы недели» Виктора Трифоновича СЛИПЕНЧУКА.

На книжном фестивале «Красная площадь», который состоялся в июне нынешнего года, ему было задано множество вопросов от читателей. Сегодня мы публикуем ответ на вопрос одной из них – Натальи РАВКИНОЙ.

–3 НАЯ о вашей феноменальной памяти, о вашем чудесном даре рассказчика и о вашей способности замечать детали даже в самых непримечательных событиях, хочу спросить вот о чём. История как наука и краеведение очень мало нам рассказывает о повседневной жизни «маленького» человека. Что вы помните о послевоенном времени? О смерти Сталина? О хрущёвских реформах? Об отношении людей к Брежневу? О героях войны, героях – строителях коммунизма?

– Вы говорите, что нам мало рассказывают о повседневной жизни «маленького» человека. В русской литературе, по моему, никто из великих не минул этой темы. Сразу вспоминается «маленький» человек Акакий Акакиевич из гоголевской «Шинели». Не случайно же Достоевский в своё время заметил – мы все вышли из гоголевской «Шинели». То есть тема «маленького» человека в прошлом всегда была животрепещущей. Это сейчас «маленьких» людей как будто нет, все технически вооружены – либо в наушниках сидят, либо в телефонах.

Впрочем, как бы там ни было, относительно меня вы, Наталья Николаевна, попали в «десятку». В послевоенное время, в год смерти Сталина (1953 год) я действительно был не то чтобы маленьким, но и не совсем большим. Мне было одиннадцать лет. Я был у мамы шестым, последним ребёнком. Но всегда себя помню седьмым. Во время войны была удочерена сестра Лариса 1938 года рождения – одногодка моего брата Эдика. Кроме двух старших сестёр мы все родились на Дальнем Востоке, в Приморье, в селе Черниговка. Мои родители – переселенцы начала тридцатых годов из села Ненáдиха Киевской области. Рядом небольшой город – Белая Церковь.

Теперь с высоты своих лет могу сказать, что все мы выросли, имеем детей. Теперь уже у детей – дети. Немного как бы отошёл от существа вопроса. Но только – как бы, потому что все мы живём не в пустоте, а в семье, и начал с семьи, чтобы понятнее были мои ответы.

Очень хорошо помню 1947 год – голодуху. У нас, детей, у каждого была какая-нибудь основная работа по дому. Я пас корову Розку – кормилицу. Розка была стельной. Мы ждали от неё телёночка. Гонять её туда-сюда попусту было нельзя, и мне с утра мама нарезала хлеб на целый день. И вот однажды приходит отец и говорит, что хлеба нет даже из муки (хлебной пыли). Родители очень переживали, что хлеба нет. Мама вместо хлеба дала мне шротники (две пампушки из жмыха). Пампушки чёрные и сверху крепкие, как угли. Я их рассовал по карманам старой солдатской куфайки, которая по размеру была мне как зимнее пальто, и погнал Розку на речку, на пастбище.

Там Розка пасётся, а я мечтаю обо всём хорошем и нет-нет запускаю руку в карман и по крошке отламываю от шротников. Мне приятно, что

шротников у меня два кармана. Крошки шротников очень вкусные. Они просто тают во рту, и я думаю – почему мама и папка переживают, что нет хлеба?! Было бы шротников побольше – и не надо никакого хлеба.

И ещё, возле кино клуба рисозавода иногда открывался хлебный магазин. Но мы в него почти не ходили. Иногда, особенно в неурожайные годы, у нас не было денег даже на хлеб. Отец и мама работали в колхозе с утра до ночи, но не за деньги, а за трудодни. А трудодни оплачивались только в конце года. Сейчас про трудодни не любят вспоминать...

Впрочем, послевоенные годы – не только голодуха. Была обычная жизнь. Рядом с Черниговкой находился военный аэродром, он и сейчас есть. Мы, дети, носили в гарнизон (военный городок) на продажу молоко, сметану, куриные яйца, подсолнечные семечки – в общем, всё из нашего домашнего хозяйства, что, так сказать, имело рыночный спрос. Когда были деньги, мы с ночи занимали очередь за хлебом. Причём когда ни придёшь к магазину – люди там уже толпятся. И кто-нибудь из взрослых с тетрадкой записывает в неё твой номер в очереди и мелом – тебе на спине. Иногда хлеба привозили мало, и тогда рабочие рисозавода приказывали не отпускать хлеба колхозникам и нас выгоняли из очереди.

Бывали и радостные дни. Когда, например, в рисозаводской клуб привозили новую киноленту. Тогда сразу среди нас, пацанов, и не только пацанов, начиналось столпотворение. Особенно сильный ажиотаж вызвал трофейный фильм «Тарзан». Непроходимые джунгли, герои фильма: Тарзан, Джейн, обезьяна Чита, живописные и страшные дикари с кольцами в носу – всё это захватывало нас. И конечно, в какой-то степени взрослых тоже. Я за «Тарзана» даже получил подзатыльник от старшего брата Владимира, который впоследствии стал капитаном дальнего плавания. Чем я очень гордился и горжусь.

Было лето, июль. Огород уже всюю снабжал нас зеленью, огурцами, картошкой, свёклой... В общем, мама приготовила что-то вкусное, похожее на борщ. Все собрались за столом, едим, разговариваем. Естественно, коснулись трофейного фильма «Тарзан» – мы тогда ждали вторую серию, и всех интересовало её название. Кто-то слышал одно название, кто-то – другое. Тема обсуждения была общей, я тоже решил поучаствовать.

Моё образование в то время известное – целыми днями на речке, на пастбище, пасу корову. Учителя мои тоже известные – выпускники местной школы. Как они сами говорили – «семилетки: четыре класса и три коридора». К тому времени они уже научили меня материться, дали курнуть самосада, но общего образования я ещё не получил. Среди пастухов тоже муссировалось будущее название второй серии. В приоритете было очень легко запоминающееся название. Я запомнил его и за столом решил блеснуть.

– Знаю, знаю, как называется вторая серия! – неожиданно для всех встрял в разговор я.

За столом все утихло, даже есть перестали. Распираемый гордостью своего знания, я очень громко объявил:

– «Чита делает аборт!»

На какое-то мгновение все опешили.

– Вот как?! – удивилась мама. – Теперь будем знать.

А Вовка, самый старший брат, дал мне такой подзатыльник, что я даже выронил ложку. Я обиделся, но за меня, как самого младшего, впервые никто не заступился. Правда, отец сказал, что в Алтыновке (соседнем селе) намечается районная ярмарка и он возьмёт на ярмарку всех, кто будет хорошо вести себя за столом.

Меня всегда интересовали люди, которые были неравнодушны к книгам. Запомнился мальчик по фамилии Числов. Шуплый, небольшого роста блондин в светлой, плотно облегающей вельветовой куртке. Он появился в нашем классе во второй четверти, и по богатой одежде мы, сельские школьники, сразу поняли, что его отец военный лётчик. Числов учился по всем предметам на «отлично» и никого в классе практически не замечал. И вот однажды на уроке ботаники меня вызвали к доске. Я тогда умудрялся читать художественную литературу даже на уроках. В общем, отбарабанил домашнее задание, стою, жду дополнительные вопросы. И вдруг вижу – Числов из-под парты показывает мне вначале одну большую книгу, потом вторую. На перемене подсказываю – покажи?! Все окружили нас, даже девчонки стали протискиваться в наш круг.

– Хорошо, но имейте в виду, что книги я показываю только ему (то есть мне), таких книг больше нигде нет, – сказал Числов и вынул книги.

Я запомнил их на всю жизнь – «Поджигатели» и «Заговорщики». Поджигатели 1949 года издания. Заговорщики – 1951-го. Почитать их он не дал. Сказал, что есть правило – из личной библиотеки книги на прочтение не дают. Правило всех возмутило, в том числе и меня. Я спросил:

– Скажи хотя бы, про что книги.

– Про негодяев всех мастей, которые ещё шевелятся и разжигают войны. Интерес к книгам как-то сразу ослаб, мы разошлись по своим партам. После школы, возвратясь домой, был потрясён – пришло известие, что умер Сталин.

Каждый день в шесть утра мама меня будила, я носил в военный городок молоко на продажу. Зимой это была моя постоянная работа – с пятого по десятый класс.

Заходишь в семейный барак, а там в длинном пустом коридоре на тумбочках уже стоят пустые литровые банки. На-

СО СТРАНОЙ

полняешь их молоком и спешишь домой, чтобы успеть в школу. Иногда возле военных складов или водокачки меня останавливали часовые в длинных тулупах — стой, кто идёт?! Я останавливался. Потом они разрешали — иди! И я шёл дальше. Путь был неблизким, и я, чтобы не замечать расстояния, — мечтал. Обо всём, что волновало меня. А волновало меня всё, что волновало взрослых. Разумеется, на уровне моего понимания.

Очень хорошо помню, что утром следующего дня я представил себя очень важным человеком. Настолько важным, что от одного моего голоса враги должны были трепетать и прятаться по своим крысиным норам. Буквально сразу за калиткой переложил бидончик с молоком из правой руки на левую и как бы поднялся на планетарную трибуну.

Со всех сторон поднялся вражеский визг, крики, я немножко выждал, а потом сказал:

— Что, негодяи всех мастей, зашевелились? Захотели воспользоваться тем, что умер наш великий вождь и учитель товарищ Сталин? Мечтаете победить нас?! Не выйдет! Мы все, советские люди, встанем как один человек, как самый настоящий товарищ Сталин — и разобьём и разорвём вас на мелкие кусочки и клочки.

Мне до того понравилось мечтать о нашей непобедимости, что я пошёл в гарнизон не напрямую, а окружным путём. Расстояние в то утро для меня отсутствовало. Когда пришёл в школу, поразила несвойственная тишина. У крыльца ко мне подошла группа старшеклассников. Один из них — рисоводской драчун Цигальнюк сказал:

— Ты знаешь, что умер Сталин и нельзя смеяться?

— Знаю, — ответил я.

Тогда он стал задираться и утверждать, что я смеялся и смеюсь.

— Нет, я не смеялся и не смеюсь.

Кто-то из группы заступился:

— Не надо трогать его. Его старшие братья на нашей стороне.

И они пошли на задний двор в школьную уборную курить.

В нашем классе все толпились у доски. А за последней партой, в углу, прикрыв голову помятыми тетрадками, плакал всегда смешливый Тимка Язов. Всхлипывая, он сказал, что про товарища Сталина ничего не знал, потому что ветром оборвало провода и радио у них не работает.

С приходом Хрущёва о его реформах заговорили не сразу. Вначале мы, пацанва, пели песни: «Берия, Берия, потерял доверие. А товарищ Маленков надавал ему пинков».

Хрущёвские реформы для меня (вы просили рассказать о своих личных впечатлениях) — это прежде всего поднятие целины (вспахивание целинных земель). И ещё — выращивание кукурузы. Всюду на плакатах утверждалось, что по сельскому хозяйству мы непременно догоним и перегоним Америку. Всем, кто увеличит производство мяса и молока, обещались высокие награды.

Широко пропагандировались комсомольские стройки века. В моё время — Братская ГЭС на Ангаре. **Энтузиазм, как говорится, зашкаливал.** Романтика жизни бурлила во всём. Тогда я был студентом, учился в сельскохозяйственном институте и, конечно, сталкивался со скептическими высказываниями относительно состязания с Америкой: «Товарищи, не сомневайтесь, мы догоним и перегоним Америку, потому что голому человеку легче бежать». Или, например, о стройке века: «Ах, романтика-романтика — ах ты Братская ГЭС! Была девочка с бантиком — а приехала без...» Впрочем, скептицизм не проникал глубоко. Тогда я писал стихи: «Вокзал», «Арбуз», «Красноярский тракт». В «Вокзале» есть строки:

Людской поток —
Кипит толпа.
У каждого парня
Своя судьба.
— Куда?
— На Братск.
— А ты?
— Целина.
— Попутчик, брат,
Дорога одна!

Как бы там ни было, а вот это понимание единства одной дороги делало молодёжь и вообще всех нас, советских людей, — строителями коммунизма.

Это потом, после института, когда уже приехал на Алтай с дипломом учёного-зоотехника и воочию увидел песчаные кулундинские бури (прежде там зеленели сочные луга для скота), пришло подлинное осознание ошибочности героического поднятия целины.

В стихотворении «Выпускникам АСХИ (Алтайского сельскохозяйственного института)» есть строки:

...Кому отдать медаль «за целину» —
За превращенье Кулунды в пустыню?

Надо сказать, что во времена Хрущёва, после XX съезда партии, развенчавшего культ личности Сталина, в прессе довольно часто стали появляться смелые публикации о нашей обыденной жизни, о недостатках, об идеологических перегибах. Неслучайно Хрущёвские реформы связывают с «оттепелью». Так что приход Брежнева к власти был воспринят с осторожностью.

Потихоньку стало возвращаться имя Сталина. Его значение в Отечественной войне. И как бы невзначай усилилось подчёркивание заслуг Брежнева: «Партия и правительство и лично вы, Леонид Ильич!» Поначалу слово «партия» преобладало: «Прошла зима, настало лето — спасибо партии за это».

Но потом как-то незаметно в официальных выступлениях завязых партийцев по любому поводу стало выдвигаться на первый план — «...и лично вы, Леонид Ильич!» А когда вышли в свет воспоминания генсека ЦК КПСС Брежнева — «Малая земля», «Целина», «Возрождение», — изданные даже по советским меркам фантастическим тиражом в одиннадцать миллионов экземпляров, в народе сразу появились, как сейчас бы сказали, приколы. Причём по большей части, возможно, примитивные. Но всегда по существу.

«Под руководством Сталина обсуждается на политбюро план наступления Красной армии. Кажется, всё учтено. И вдруг Сталин говорит, что нет, не всё, упущено главное — надо срочно позвонить на Малую землю полковнику Брежневу и узнать его мнение».

Или: «Кто бежит к мавзолею, с раскладушкой своею? Он четырежды герой и писатель молодой».

Не шесть количества анекдотов, которые явило «армянское радио».

«Радио спрашивают:

— Что такое сиськи матиски?

Армянское радио отвечает:

— «Сиськи матиски» — это из доклада Леонида Ильича Брежнева на очередном пленуме ЦК КПСС, что означает «систематически».

«Идеологи, экономисты докладывают Леониду Ильичу, что в хрущёвские времена в соревновательной схватке с Америкой в стране вырезали весь мясной скот. Теперь, кроме Москвы и Ленинграда, всюду недостаток мяса. Ввели рыбный день — четверг. Не помогает».

— Введите овсяной, — посоветовал Леонид Ильич.

— Опасаемся, над нами ржать будут.

— Да вы что?! Я же вот съел утку и не крякаю».

В целом брежневские времена обозначаются сменившимися Брежнева руководителями как времена «застоя». Я этого не

понимаю. Люди, как и прежде, жили, рожали и растили детей. В чём застой? Репрессивный аппарат работал. Правда, при Брежневе менее интенсивно, чем при Хрущёве. Тем не менее и при Андропове, и при Черненко продолжался. Я бы не упоминал об этом, но со своей повестью о Всесоюзной комсомольской стройке Алтайского Коксохима «Преодоление» сам попал под «подписку о невыезде». Благо учился на ВЛК (Высших литературных курсах), и писатели заступились за меня. Впрочем, это отдельная тема.

Герои войны моего детства — это красноармейцы из армии Рокоссовского, которых перебрали воевать с японцами. Война была недолгой, у нас квартировался майор дядя Веня. У него было много всякого трофейного оружия. В том числе чуть-чуть изогнутый в виде нашей шашки меч самурая. Было поверье, что всякий, кто в детстве коснётся этого меча, будет верным защитником Родины. Я держал этот меч в руках.

Дядя Веня жил у нас всего несколько дней. Потом их часть перевели в Спасск-Дальний, и он уехал, но запомнился на всю жизнь. Его парадный китель, который висел на стуле за шифоньером, сверху до низу украшали ордена и медали. Как говорится — живого места не было. Пацаны со всей улицы приходили к нам посмотреть на его награды. Бывало, соберётся у него, перебираем ордена и медали — как называется, за что получил? А он полужёла сидит на кровати и рассказывает. Взрослые выгоняли нас из его комнаты, мол, дайте человеку отдохнуть. В ответ он застучался — они не мешают. Если будут докучать, скажу — хочу спать, и они уйдут. Как-то, посмотрев на его парадный мундир, мама пошутила, что среди его наград для полного комплекта не хватает только Звезды Героя.

Дядя Веня усмехнулся:

— Была. Выдвигали. Не успел получить.

Мы хотели, чтобы он рассказал, почему не успел. Но он сказал, что это длинная песня. И заявил, что хочет спать. Иногда перепады в его настроении были настолько резкими и необъяснимыми, что мы, пацанва, просто терялись.

Дядя Веня всегда ходил в офицерских ремнях, а на боку носил маузер в жёлтой кобуре. Однажды он шёл по нашей улице, и со двора Воронухов (соседи через один дом от нас) выскочила с лаем дворняжка. Дядя Веня пристрелил её. Причём попал не сразу. Дворняжка, скуля, убежала во двор, и он без всякого стеснения пристрелил её у самой конуры.

Мама стала ругать его: «Вениамин, как ты можешь?! Ты — майор, командир и здесь живёшь!» А он: «Тётя Наташа, я уже трижды майор, после штрафбата дослуживался. У меня блуждающий осколок в голове. Сколько мне осталось?! Как начнёт шевелиться — так начинаю куролесить. Если можете, извинитесь перед соседями, а я пойду спать».

Мама побежала к соседям. А нам стало очень жалко дядю Веню. С его храбростью, если бы не осколок, он давно бы стал генералом.

Что касается вопроса о героях — строителях коммунизма. По-моему, ответил на этот вопрос — мы все, каждый из нас (если, конечно, он не был врагом народа), считали себя строителями коммунизма. Только представление о коммунизме в головах у всех было разное. Говорят, когда Хрущёв приехал в Америку и увидел там на прилавках изобилие товаров, он невольно воскликнул: «О, да у вас тут коммунизм!» Так что никаких расхождений — соревнуясь с Америкой, мы всё-таки строили коммунизм.

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru

non/fictio №26

Международная ярмарка
интеллектуальной литературы

5–8 декабря

Комплекс «Гостиный двор»
Москва, ул. Ильинка, д. 4

Разделы ярмарки:

Художественная, научная и научно-популярная литература
Книги для детей и детская площадка «Территория познания»
Молодежная литература
Презентации книжных новинок, встречи с авторами
Антикварная книга и букинистика
Конкурс книжных обложек
Винил Клуб
Комиксы
Топ-лист

www.moscowbookfair.ru

6+ **EXPO-PARK**

реклама